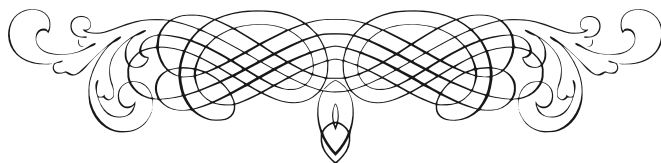

АЛЁНА МЕДВЕДЕВА

ОБЖИГАЮЩИЙ

СЕВЕР

Москва
T8 RUGRAM
2020

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
М42

Медведева, А.

М42 Обжигающий север / А. Медведева. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 430 с. : ил.

ISBN 978-5-517-03242-3

Скована льдами и окутана вечным мраком холодная планета. Она не прощает слабости, не дарит напрасных надежд. Но что, если судьба именно ее предлагает альтернативой смерти?

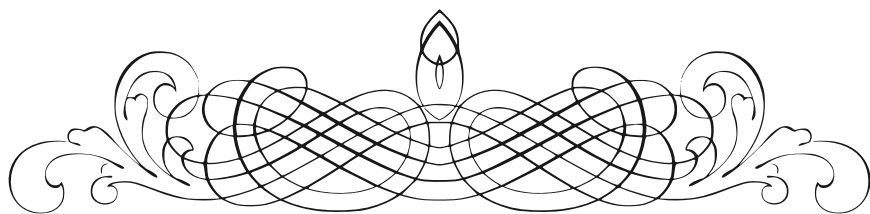
Тут выбрать не приходится. Единственная возможность выжить — брак с жутким стархом и переезд с ним на эту планету.

И кто бы мог подумать, что именно Иволон, этот замерзший ад, станет самым прекрасным домом, наполненным обжигающим теплом чужой души и любовью, а вселяющий ужас хозяин, купивший рабыню, — защитником и мужем?

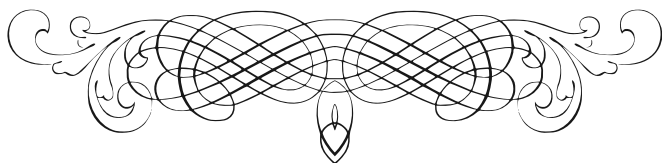
BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-03242-3

© Алёна Медведева, текст, 2020
© Ольга Кандела, обложка, 2020
© Елизавета Метлинова,
иллюстрации, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ОБЖИГАЮЩИЙ СЕВЕР

Пролог

— Руки на идентификатор! — Приказ сопровождался болезненным тычком оружия в спину, вытолкнувшим меня вперед.

Протянула руки к светящейся пучком синих лучей зоне, расположенной примерно на расстоянии тех, кто шел передо мной. Руки обдало потоком жалящего тепла, и спустя несколько мгновений раздался писк, известивший о завершении идентификации. Меня снова толкнули, на сей раз в сторону, освобождая место для той, что стояла в очереди позади.

Не успела я, по инерции пролетев пару метров, восстановить равновесие, как ощутила обжигающий холод, кольцом сомкнувшийся на шее. Контролирующий ошейник!

— Идентифицирована и закодирована. — И снова толчок, вынуждающий меня продвигаться дальше.

Опасаясь поднять руки и коснуться пугающего кольца на шее, подгоняемая подпирающим сзади потоком таких же, как и я, несчастных, двинулась внутрь плохо освещенного коридора. Идти было страшно. Ничего хорошего впереди не ждало. К тому же все толкались и теснились в узком пространстве грубого тоннеля, опасаясь нарваться на удары понукающих охранников. Справа я уловила отчаянный вскрик и хрипы кого-то упавшего. Помочь никто даже не попытался. Жутко боясь вот так же споткнуться и быть затоптанной безразличной отчаявшейся толпой, сосредоточилась исключительно на продвижении, всеми силами пытаюсь противостоять множественным ударам и удержаться на ногах. В итоге из-за страшного шума пропустила приказ.

— Куда прешь, дура?! Сказано — бабы в правый рукав! — Меня опять резко толкнули в плечо, придавая ускорение в нужном направлении.

Налетев на мощную женщину, на мое несчастье оказавшуюся на пути, получила еще и основательный тычок от нее. Только бы устоять, о боли я уже не задумывалась.

— В седьмую заходи, там одной не хватает. — И меня очередным рывком, лишь на пару секунд обесточив волновую решетку, втокнули в одну из боковых камер.

Упав на каменную поверхность, почувствовала, что расцарапала ладонь, которой неловко затормозила собственное падение. Но это была ерунда на фоне ожидавшей казни. Сжавшись настороженным комочком прямо на том месте, куда упала, боялась даже поднять взгляд и осмотреться.

— Вставай, девка. Чего камень-то греть? — раздался совсем рядом прокуренный басовитый голос.

Осторожно повернула голову и обнаружила мужеподобную тетку с рябым лицом и поврежденным левым глазом. Собственно, глаза не было, лишь пустая, зиявшая сплошной коростой глазница. Испуганно отшатнувшись, под гулкий и совсем неожиданный в этом месте хохот разбитной страшной тетки переместилась на колени и, упираясь руками в пол, начала вставать. Ноги плохо держали, подрагивая от усталости и пережитого страха.

Одновременно осмотрелась. В узком пространстве маленькой камеры находилось трое. Помимо этой рябой землянки еще две женщины — обе тувейки. Лица последних были совершенно безразличными, а глаза пустыми. Я у них интереса не вызвала, удостоившись пары смазанных отчужденных взглядов.

— Садись, — снова предложила рябая, указав на крохотный кусок скамьи рядом.

Другого выбора и не было. Скамья напротив уже занята тувейками. А мужеподобная землянка даже потеснилась, тщетно пытаясь освободить мне хоть чуть-чуть больше места. Но я втиснулась. Возможность присесть была большим облегчением, ноги уже еле держали, ведь последние двое суток почти полностью провела стоя. Сначала — пока нас после захвата ко-

рабля патрульным крейсером, набив в трюм как солонины в бочку, везли сюда, на изолированную базу для задержанных, потом — пока топталась в длинной очереди проходящих идентификацию. Посидеть не удалось. Так что теперь я с особым наслаждением вытянула измученные ноги, наконец-то получив возможность отдохнуть.

— Ты хоть совершеннолетняя? — как-то жалостливо оглядывая меня одним глазом, уточнила разговорчивая соседка.

Это было так странно, даже неестественно. Тут все молчали. А смысл болтать с незнакомым окружением в ожидании неотвратимой гибели? Поэтому, неловко пожав плечами, я только кивнула:

— Да.

— Какой возраст? — не отступалась тетка.

— Двадцать два!

— По-земному?

— По-космическому. — Я даже удивилась — зачем ей это?

— Двадцать пять почти, значит, — быстро прикинула она. — По тебе особо и не скажешь, думала — восемнадцать. Хилая ты какая-то... Откуда?

— А вам-то зачем? — не выдержала я.

— Да все ж интереснее, чем молча в тоске-то ожидать. Хоть поговорить напоследок, — пояснила рябая.

— С каперского звездолета. Нас позавчера патруль задержал, — устало пояснила я предысторию попадания сюда.

— У-у-у... с пиратского... Ты у них откуда взялась такая хлипкая?

— Родилась там. Мама прибилась к команде, она из беженек была.

— Так ты вообще только в космосе и бывала? И жизни-то не видела, бедная, — засокрушалась тетка.

— Бывала на планетах и торговых базах, где нелегально заправиться можно, — призналась в ответ я.

— Скиталась, в общем: всю жизнь без дома, без родных, а сейчас и вовсе ни за что сгинешь. Чай, ведь в грабежах не участвовала? Какой из тебя пират?! Так, команду развлечь, если только. — Она снова гулко хохотнула, заставив неприязненно поежиться.

— Отец защищал, но его в прошлом году во время нападения ранили, он умер почти сразу, — грустно рассказала я. — Но я много чего умею.

— Так оно и понятно, с такой-то судьбой, — понимающе по-кивала рябая. — А грамотная?

— Читать медленно могу, а писать — не все буквы знаю.

— Эх, жалко девку, — в никуда произнесла тетка. — То ли дело у меня: жизнь прошла — есть что вспомнить! Так и помирать не страшно, тем более я еще на шанс рассчитываю.

— Тебе только на него и рассчитывать, — неожиданно и резко огрызнулась одна из тувеек. — Старая уже, страшная да одноглазая...

— А и что? — гоготнула рябая, мощно хлопнув руками по ляжкам. — Я еще хоть куда! Таких и отбирают. Чтоб выжить в северных пределах самых суровых планет сумела, пахать да рожать могла. А что страшная — так враги не позарятся, тоже плюс. Чай, не для разговоров по душам туда отправляют.

— Лучше сдохнуть, чем туда попасть, — убежденно выдохнула четвертая узница. — Там такие выродки обитают — убийцы, садисты, изверги одни. Дикие они, а планеты, как правило... Выжить там невозможно... И отдают им нас как вещь — в полное владение. Что захотят, то и делать могут. Ошейник этот проклятый подчиняться заставит и сбежать не даст. И куда там сбежишь?!

— Да сдохнуть завсегда успеешь, — убежденно рыкнула рябая. — А жить... везде можно приспособиться. Нет, я хочу свой шанс испробовать. Слышишь, пиратка, ты, если предложат, не дури, не отказывайся: к жизни любой притереться можно, да и к мужику приноровиться.

Последнее она уже мне заявила, поддав локтем в бок, так что меня основательно впечатало в стену.

— И душой как раз будет, — снова зло отозвалась тувейка, — на ней ни жира про запас, ни опыта жизненного, чтобы адаптироваться, так зачем собственные мучения продлевать? Да и хилая — разве сможет каждый год рожать да работать с утра до вечера? Так что не слушай дурных советов! Отважишься на шанс — а никто из приличных на тебя не согласится: слишком ты никакая, а кто из опустившегося отребья заберет — так тоже сдохнешь, только намучившись предварительно. Забьют, поиздеваются со всей дури сначала, а то и еще чего похуже сделают. Защититься-то не сможешь.

— Ты что, думаешь, она еще жизни не хлебнула? — хмыкнула рябая.

В своей неспешной перепалке на меня они уже и внимания не обращали. А я, напряженно вслушиваясь в каждое слово, не могла понять, о чем вообще речь. Всем известно, что с нарушителями закона в космическом содружестве планет поступали жестко: полное развоплощение на атомы в камере смерти, и затем своеобразный прах развеивался в космическом холоде. Ни могил, ни памяти, ни проблем... На это я уже и настроилась, поэтому разговор об альтернативе и о каком-то севере сразу зацепил внимание.

— А что за шанс? — неуверенно переспросила я, переводя взгляд с дородной соседки на тувейку.

— Для дур легковверных предложение. Если на него согласишься, отправишься не в камеру смерти, а сначала на «выгон» — так место то называют. Загонят вас на площадку, чтобы желающие могли рассмотреть да прицениться. Уплатив пошлину в казну содружества, вроде как в жены могут взять. Если кто позарится — так сразу после уплаты брак регистрируют и отдадут тебя мужу. Но это слова одни, а на деле тебя, не спрашивая, купят, и прав у тебя никаких не будет. Потому что хозяину во всем подчиняться должна будешь. Ошейник на тебе запрог-

раммирован именно на это. Попробуешь противиться или бежать — разрядом парализующим будет бить. А если не позарится никто, то прямым ходом на развоплощение отправишься. А вы, земляне, слабые, в сущности, так что никому ты не нужна и можешь напрасных надежд не питать.

— Я — полукровка. Отец не землянин, — тихо прошептала в ответ я, озадаченная объяснением.

Подумать было о чем. Как поступить? Что предпочесть? Сразу сгинуть или понадеяться на удачу? Выбор был не столько трудным, сколько страшным. Перспективы в обоих вариантах не видно.

— Помирать не спеши, — снова влезла рябая. — Не жила еще. Если припрет, вон смерть твоя всегда при тебе — на шее.

Г л а в а 1

— Шанс будешь использовать? — Охранник, привлекая внимание, ткнул в грудь парализатором и зло зыркнул, ожидая ответа.

А я, все обдумав и заранее решив, что не вынесу новых издевательств, потому лучше тихо смириться со смертью, неожиданно захотела жить!.. В это самое мгновение поняла, что больше всего боюсь смерти, а сильнее всего хочу выжить... любой ценой. И кивнула, соглашаясь.

— На выход. — И меня вслед за рябой соседкой выдернули из камеры, втолкнув в ряды таких же решившихся.

Потом нас погнали по коридору, заставили пару раз повернуть и в итоге вывели на небольшую охраняемую, огороженную и освещенную площадку, за пределами которой толпились мужчины. Десятка два-три. А нас, согласившихся на шанс женщин, тут раза в три больше! Я сразу поняла, что смерть меня сегодня дождетсЯ. Поэтому обреченно остановилась возле входа на площадку в отличие от хлынувшего к ограждению — ближе к мужчинам — потока узниц. Устало опустилась на каменный